

ние, лишенное адресной формулы: *Ортимми ене недоборной* ‘Ортемиий берет недоборный (вероятно, хлеб)’. Слово ‘хлеб’ вполне могло находиться во второй строке грамоты, от которой на третьей позиции видны верхушки двух вертикальных штрихов, подходящие для *и* в *хлибѣ*. О том, что *ѣ* в диалекте писца перешел в *и*, говорит написание имени *Ортимми*, отражающее его вариант с корневым *ѣ* (Лингв.: 202). Заметим, что исход этой словоформы также может объясняться заменой *ѣ* на *и* в *-ѣи* как одним из вариантов рефлексии **-ьjь* (см. о нем ДНД₂: 67); отсутствие же конечного *и* естественно перед последующим *ене*.

№ 3326 (кон. XII – 30-е гг. XIII в.; Б 109) [Г]. Сильно фрагментированный текст на обороте грамоты частично реконструирован А. А. Зализняком (Попр.-IX) на основе сопоставления с грамотой № 246 и, с небольшими поправками к интерпретации, в следующем виде опубликован в ДНД₂:

...[т]ом[ъ] ----- [п]рис[ъ]...

... (гри)вѣнъ в[ъ] тр(еть али) нь прис[ъ](лещи) а хоуж в[ъ]рж[т]и жо--
... ..[ъ]ч[ъ] въ држгю тр(е)[тъ]

Согласно этой реконструкции, письмо содержало угрозу должнику, в случае невозвращения им денег, занятых «в треть» (т. е. из расчета отдачи одной трети в качестве процентов), прибегнуть к конфискации имущества у третьего лица, взыскав при этом дополнительно к сумме основного долга уже не одну, а две трети. Как предполагает А. А. Зализняк, на *Уро-* в конце второй строки начиналось имя лица, которого автор намеревался подвергнуть конфискации; это мог быть тот же персонаж, что и *Урока* из № 153.

В своей основе эта реконструкция представляется абсолютно убедительной, но может быть усовершенствована в ее заключительной части. Изучение нового снимка грамоты показало, что нижний край берестяного листа сохранился на всю длину; следовательно, разрыв между концом второй и началом третьей строки отсутствует. В конце второй строки после *жо* уверенно опознаются буквы *ст* (от *с* видна характерная нижняя засечка в виде точки; от *т* — мачта и левая засечка). Таким образом, вторая часть последней фразы письма прочитывается полностью: *(али) нь прис[ъ](лещи) а хоуж в[ъ]рж[т]и жо[ст|тъ]ч[ъ] въ држгю тр(е)[тъ]*. Удвоение согласной при переносе — явление, достаточно широко представленное в берестяных грамотах (ср. *дат|ть* 798, *грам|мота* 364, *кун|ници* 136, *во Плотниц|цикомо конци* 690, *сър|ръцьвъ* 683).

Сохранив схему реконструкции А. А. Зализняка, последовательность *жростъчъ* можно было бы рассматривать как содержащую прозвище *Уростъчъ*, с невыраженной одушевленностью. Семантическая ущербность такого решения, однако, очевидна. Более правдоподобно выглядящий антропоним дает альтернативное словосложение: *вырути у Ростъчъ* — если считать, что *Ростъчъ* — это *⟨Ростъчѣ⟩*, Р. ед. от *Ростъца* (написание *нь присъ-* показывает, что орфография грамоты была бытовой). Хотя суффикс *-ьца* и редок в новгородском антропонимиконе (в берестяных грамотах он представлен только именем *Микитъца* в № 161), он прослеживается по топонимическим данным, так что сомневаться в его существовании не приходится (см. комментарий к № 161 в Попр.-VIII). Форма *Ростъца* составляет очевидную пару к имени *Ростъка*, известному в первую очередь по названию Росткиной улицы в Неревском конце Новгорода и находившегося на ней Иоанновского Росткина монастыря. И улица и монастырь были названы по имени человека, жившего явно не позднее XII в. Теоретически этот Ростка вполне мог быть тем лицом, у которого автор рассматриваемого письма угрожал конфисковать товар за долг адресата.

Заметим, что управление *вырути у X-а* выходит за рамки синтаксического поведения глагола *вырути*, каким оно описано А. А. Зализняком (Лингв.: 173–174). Впрочем, как видно из совокупности данных, это поведение было более разнообразным, допуская различные модификации основной модели *рути* ВП₁ (*пострадавшее лицо*) в ВП₂ (*виновное лицо*) в МП (*долг виновного лица*). В роли прямого дополнения при данном глаголе могло выступать наименование самого виновного лица (*ржти тл хоуж* № 776) или же конфискуемого предмета; в последнем случае лицо, подвергаемое конфискации, обозначается косвенным дополнением: *а что князь Михаила товаръ порубил братьи нашеи* (Новг. догов. 1372); *otzum ty tovar otmenae porubaiies* (Фенне). Наибольшую близость к нашему тексту (если принять предлагаемую трактовку) обнаруживает грамота № 959, в которой с высокой вероятностью реконструируется фраза: *то ти (еси пор)оуб[л](ъ) оу мене кобылоу*.

Несмотря на сказанное, чтение *ж Рост|тьць* ⟨*оу Ростьцьѣ*⟩ нельзя признать окончательным. Смущает полное отсутствие других следов имени *Ростьца* — при множественности топонимических отражений вариантов *Ростько* и *Ростька* (см. Васильев 2012: 271–272; точно так же обстоит дело и с другими гипокористиками традиционных дохристианских имен: формы типа *Радко*, *Путко* и их производные известны во множестве, тогда как варианты **Радьца*, **Путьца*, кажется, отсутствуют).

Это заставляет с вниманием отнестись к еще одной возможной интерпретации рассматриваемого фрагмента. Кажется симптоматичным, что он содержит корень *рост-*, который, помимо своего основного значения, имеет также специальное «финансовое», хорошо подходящее к контексту грамоты, где речь идет об условиях займа. Хотя само слово *рость* в значении ‘проценты’ в берестяных грамотах пока не встретилось, в них дважды зафиксирован *изрость*, неизвестный — что характерно — ни из каких других письменных источников. Нельзя ли трактовать слово *уростьць* как уменьшительную форму от *урость*, составляющего такую же пару к *прирост*, как *убыток* — к *прибыток*? Слово *урост*, отсутствующее в словарях русского языка, между тем, безусловно представлено в современном употреблении, пусть и на правах окказионализма. Поиск в Интернете обнаруживает и «урост населения», и «урост сырьевой базы», и даже «урост экономики РФ в 2011 г.» (в Живом журнале, с ироническим пояснением, что *урост* — «новый экономический термин, обозначающий рост показателя в обратную сторону»; впрочем, понятие «отрицательный рост» давно прижилось в экономической науке)³. Значение предполагаемого *уростьць* может быть на этом фоне определено как ‘убыток в виде неполученных процентов’, а фраза: *хочъ в[ы]р[ж]т[и]и жро[ст]т[ь]ч[ь] въ држгю тр(е)[ть]* — переведена следующим образом: ‘я, путем конфискации, возьму убыток (из расчета процентов) в две трети’.

Предлагаемое прочтение концовки грамоты, как кажется, проливает свет на неясное место в грамоте № 710. В этом документе, представляющем собой распоряжение взять у названных лиц определенные суммы денег, имеется небольшая лакуна в середине, на выходе из которой читается слово *урезокъ*: *а ѿ радъ[ка] (въ зьми) -----|-- [ѿ]рѣзъкъ*. «Долги в грамоте № 710, — отмечено в комментарии, — исчисляются в обычных для ее времени денежных единицах: гривнах серебра, гривнах кун, ногатах, кунах, резанах. Тем досаднее невозможная утрата текста в обозначении долга Радка, выраженного в *урѣзкъ* («отрезке») чего-то» (НГБ-Х: 11). Однако включение понятого таким образом «урезка» в однородное перечисление денежных сумм выглядит странным: в других подобных реестрах (№ 410, 509, 526 и др.) фигурируют исключительно деньги; возможные же уточнения касаются не материального выражения указанных сумм, а только их статуса (основная сумма долга или проценты). Наше прочтение № 332б позволяет в том же ключе трактовать и *урѣзкъ* из № 710: мы предлагаем видеть в нем синоним слова *уростьць*, использующий еще одно обозначение процентов — *рѣзь* и имеющий ту же словообразовательную структуру. В контексте грамоты *урѣзкъ* было, по всей вероятности, пояснением к указанию суммы долга Радка или части этой суммы (ср. упоминание невыплаченных процентов в № 510: *не въдале двѣоихъ намъ*).

№ 333 (XIII в.) [ГЗ]. В издании сказано: «Разделению на слова текст не поддается». Выделено только два слова, из них одно (*любовѣ*) неверно. В ДНД₂ грамота не включена (но в указатель из нее помещены словоформы *Хътъна*, *Ньсъдѣ* и *любо*). Новая фотография позволила представить грамоту в следующем виде:

...[оу] хътъна
 ...ъ ньсъдѣ
 ...ю любо вѣѣ
 ...ии моѣи
 ...[р]и и афон-
 ...тоѣ

³ Заметим, что язык «рунета», представляя собой широкий срез современного состояния живого русского языка, уже не раз обнаруживал замечательные совпадения с берестяными грамотами, объясняемые использованием одних и тех же системных возможностей лексики (ср. в данном томе комментарии к лексемам *продажник* и *подпродатися*, встретившимся в грамотах № 1001 и 1009).